

И вот я снова выхожу на новую работу и снова в основном в женский коллектив. Нет, конечно, среди врачей есть и мужчины, но регистратура, это в основном женщины и как правило пенсионеры или неполноценные, инвалиды, если молодые. Так почему-то повелось. Хотя работа в регистратуре не из лёгких и требует внимания, как к людям, тем более больным, так и к картам этих людей. Но часто ли мы встречались в жизни с внимательным и благожелательным регистратором в поликлиниках? Нет крайне редко, чаще всего это измотанные раздражительные и мнящие себя пупом земли тётеньки. Регистратура это тоже целая наука и у неё существует несколько подразделов. Стол записи к специалистам, выдача талонов, стол выдачи больничных листов, окно выдачи карт, окно записи врача на дом.

И на каждом таком месте сидит маленький генеральчик в юбке, от которого зависит - попадёшь ты куда-либо или нет. Отвратительная по сути своей система. Система унижения и ущемления, а ещё и основательной нервотрёпки. И самое интересное, что посади любого из людей находящихся по внешнюю сторону окна, на внутреннее место, как он быстро перенимает эту скотскую манеру поведения.

Вот в этом и заключается горькая правда этой профессии. Мне нужно обучиться находить и выдавать карты, по требованию больных, разносить подобранные карты по кабинетам врачей, собирать у них отработанные карты и раскладывать их по ячейкам. Улиц в обслуживании поликлиник много, но главное на всех них дома с одинаковой нумерацией, и хотя для различения на сгиб карты наклеены бумажные или матерчатые маркировки, закладки в чужую ячейку, на другую улицу, вещь очень обычная. Тут уже от внимания регистратора зависит - найдёт ли он нужную карту. Много раз порядки менялись. Карты то раздавались на руки больным, то снова собирались в регистратуре, поэтому из-за частой смены порядков у некоторых больных по несколько карточек. В общем, при ближайшем рассмотрении это авгиевы конюшни прошлого века, но никак не переведут на работу с компьютером и один сигнальный бумажный экземпляр на случай временного выхода компьютера из строя. Сколько бы времени и нервов сэкономилось. В том числе и уменьшилось писанины у врачей, которые не столько заняты приёмом пациентов, сколько писанной.

Такая вот работа. И мне поначалу туго приходится, особенно стесняюсь я заходить в кабинеты врачей, ведь там идёт приём, а ты врываешься. Со временем эта неловкость пройдёт, учишься делать морду тапкой, и практически не замечать пациента, словно предмет обстановки. Не очень приятная, но, увы, неотъемлемая часть работы.

Трудности я преодолеваю за неделю и вскоре меня уже не отличить от старожиллов. У нас на тот момент в поликлинике первый этаж это сдача крови из вены, врачи эндокринолог, кардиолог, подростковый кабинет, регистратура, раздевалка, уролог, УЗИ, флюорография, доврачебный осмотр и смотровой кабинет. Второй – невропатолог и терапевты, инфекционист и ВТЭК; третий – гинекология, хирург и терапия; четвёртый – рентген, стоматология и администрация. Таким образом, поликлиника широкого профиля, а гинекология обслуживает вообще почти всё Чертаново.

Исполняет обязанности заведующей регистратуры, на момент моего прихода в поликлинику, врач смотрового кабинета Серафима Федоровна. Это гремучая смесь татарки с еврейкой, и характер соответственный. С первой минуты она невзлюбила меня, а причина проста. Не успела я приступить к работе, мне объясняют расположение улиц на стеллажах, условные обозначения и прочее, как в регистратуру вплыла юрист. Да-да, та самая юрист, которая понуждала меня отдать Володю. И тут происходит немая сцена. Она, увидев меня,

застыла с открытым, было, для приветствия Серафиме ртом, и с ужасом уставилась на меня. А я, просто с отворачиванием отвернулась от неё.

Опомнившись, юрист поманила Серафиму рукой на выход. Они там шушукались, после чего Серафима, вернувшись в регистратуру, с неприязнью посмотрела на меня. Работа в регистратуре происходит по графику, день утро, день вечер, два выходных и один раз в месяц дежурство по субботам. Вот тут и начались мои мучения. Я не успеваю прийти на работу и приступить, как Серафима мне заявляет, Вера, вы вышли не в свою смену, у вас сегодня вечер. А в графике стоит утро, но на работу выходит ещё и Валентина, оказывается, Серафима вызвала её и мне приходится уходить и приходить в вечер. В конце рабочего дня она может снова сменить мне график и так повторяется несколько раз. В том числе и место работы она мне постоянно меняет, то есть обязанности. То я должна стоять у окна, то подбирать карты на вызов, не доделав первого, то подбирать карты для приёма специалистов. Она дёргает меня, как паяца за ниточки и я не имею права возразить, так как она начальник. В конце концов, она довела меня своими издевательствами до истерики, ведь весь коллектив видел и понимал, что это издевательство. Я не могла нормально спланировать свою домашнюю жизнь из-за постоянных дёрганий по сменам, я не могла спокойно отработать смену, без метаний с места на место. Так продолжаться не могло, и я взорвалась. Я спросила её прямо:

- Это что, месть за вашу подлую подружку? В таком случае, либо вы остановитесь, либо я напишу докладную на ваши действия главврачу, и тогда посмотрим, кому придётся туго.

При этом я, конечно, не стеснялась в выражениях, обозвав её злобной мегерой и несытой сволочью. Не знаю почему, просто, наверное, сорвалась. И ещё сказала, что жизнь ещё заплатит ей, за то, что она бесцельно преследует меня, безосновательно травит. Она тоже въярилась и заявила, что меня ещё проверить нужно, что меня, наверное, не зря с почты уволили, а не сама я уволилась. На что я ей ответила:

- Вперёд и с песнями, прямо сейчас, почта рядом, три минуты и вы там. Ещё пара минут и моя характеристика у вас в руках.

Наша перепалка происходила горячо, случилась она под самый Новый год. То есть я терпела её издевательство довольно долго. Следствие, правда, произошло абсолютно неожиданное для нас обоих.

В то время, как мы пикировались, возле регистратуры, за дверью, мы его не видели, стоял главврач. Он беседовал с урологом и одновременно слышал наш разговор. Неожиданно дверь распахнулась, он вошёл и обратился к Серафиме:

- Серафима Федоровна, поднимитесь ко мне.

И вышел. Она, поправив причёску и одёрнув халатик, подобострастно устремила след, а мы остались работать, гадая, что сейчас будет. Вернулась Серафима довольно не скоро, при этом вид имела потрёпанный и несколько растерянный, сквозь зубы, процедив мне:

- Вас приглашает главврач, - она села на своё место и начала спешно собирать свои вещи из ящика стола и пихать их судорожными движениями в сумку.

Я шла к главврачу, гадая, что меня ждёт, может увольнение? Что Серафима наговорила ему? У дверей его кабинета мы нос к носу столкнулись с юристом. Та отшарахнулась от меня, как от ядовитой змеи. Лицо у неё было зарёванным. А меня у главврача ждало неожиданное. Он мне объявил, чтобы я принимала регистратуру, с Ириной Васильевной, главной медсестрой, принимавшей меня на работу, они всё обсудили, и она поддержала мою кандидатуру на пост

заведующей регистратуры. Вот так, без меня, меня женили. Серафима теперь была снова врачом смотрового кабинета, а юрист уволилась.

Ну, а мне предстояло приступать к новым обязанностям, а так как порядок приёма вызовов и записей их в журнал я увидела быстро, на примере Серафиминой работы, а составлять графики умела ещё со времён телеграфа, то в самую работу включилась быстро. Теперь у меня была односменная работа с 8-16 без перерыва на обед и вечера я могла проводить с детьми дома.

Вот так не было бы счастья, да несчастье помогло. Только вот опять это привело к стычке с мужем. Страшно злило его, что я, куда бы ни пришла, быстро поднималась по карьерной лестнице, а он всё только скатывался, ну и естественно на этой почве он тут же снова начал прикладываться к спиртному. И по принципу, свинья грязь найдёт, он тут же обрёл собутыльников.

А я быстро вникнув в работу, занялась оптимизацией её и модернизацией, согласовывая свои шаги с начальством. Я предложила внести несколько изменений для лучшего обслуживания больных и ускорения их ожидания, перераспределить работников, сняв со стола записи и справок скандальных особ и посадить туда уравновешенных и вообще периодически производить смену рабочих точек, для того, чтобы избавить работников от рутины и от возвеличивания себя. И со мной согласились, а я снова принялась спланировать коллектив, чтобы в нём было меньше дряг и обид. Нужно сказать преуспела.

Главная, кого я встретила здесь, среди своих сотрудников, это Соболева. Да-да, та самая из-за которой у меня была беда с Ванечкой. Она очень долго ко мне присматривалась, видимо сознавая, что где-то меня видела, но, не припоминая где. Когда я сняла её со стола справок, где она попросту издевалась над больными, устраивая проволочки с записями, пряча листы записей, чтобы её попросили и заплатили за запись и перевела к окну выдачи карт. Она попробовала идти с жалобой к старшей сестре, но получила отпор и вынуждена была работать у окна, а потом я перевела её на оформление больничных. Всё-таки возраст и бегать по этажам напряжно, а давать власть и зависимость от неё больным ей нельзя. Так что стол выписки больничных - лучшее решение. И ей это понравилось. Однажды она подошла ко мне и сказала:

- Вера, извините, но я вас вспомнила. Вы работали на почте.

- Да, - сдержанно ответила я.

- И вы мне не мстите? - удивлённо спросила она.

- А зачем, смысл какой? - ответила я.

- Всё, чем вы могли, вы мне навредили, последствия я долго расхлёбывала, так что теперь мстить глупо.

Она ушла видимо не до конца успокоенная. Потом однажды мы с ней разговоримся, и я расскажу ей частично свои неприятности и беды, вот тут она будет чувствовать себя явно не в своей тарелке и только скажет мне, что я святая. На что я отвечу, что нет, я просто обыкновенная и не мстительная.

Вызовы на дом в то время были не только для посещения заболевших, но и для выписки рецептов на лекарства пенсионерам и инвалидам. Из-за обилия таких вызовов врачам приходилось ходить допоздна и иногда опаздывать на приём в поликлинику, что тоже приводило к неприятностям, ведь под дверью ждали такие же больные. Нужно было как-то решать конфликт интересов.

И врачей жалко, они измочалены и больных, они нервничают, и стариков, они же своего просят, а если лавиной пойдут в поликлинику, то здесь приём завязнет. Как совместить несовместимое?

И я придумала выход. Стала договариваться со стариками, что на выписку лекарств, будем вызывать по графику, подъездами, с тем, чтобы желающие пенсионеры собрались у кого-то одного, и врач в одном месте в одно время сразу всем выписала лекарство. Время пробега сокращалось и экономилось. Старики быстро поняли свою выгоду и врачи тоже. Двое из врачей даже договорились с ЖЭКом о выделении им помещения в доме для приёма там пенсионеров и там пенсионеры собирались два раза в неделю, для выписки лекарств. Все были довольны. Главное решение оказалось правильным и старушки заодно меж собой подружились и общаться стали. Теперь на праздники мой стол был завален конфетами. Их несли и пенсионеры в благодарность и врачи. Я делилась со всеми, но ещё и целыми сумками уносила домой. Детям было раздолье по сладостям.

Глава 64. 1994 год.

Да, шёл уже 94-й год. Переломный для многих судеб. На работе мне удалось набрать в коллектив более молодых и энергичных женщин в регистратуру. Ведь очень многие тогда потеряли работу и их никуда не брали по причине перехода за сорокалетний рубеж. Так что благодаря этому в поликлинику влилась свежая кровь. У меня теперь помощницей была старая проверенная знакомая. Когда то мы вместе работали на почте, потом она прооперировалась и довольно длительное время пребывала на группе, а теперь не могла никак трудоустроиться, но подвернулась поликлиника. С Зинаидой мне хорошо работается, я могу даже спокойно отлучиться, она также примет вызов. А отлучаться приходится, то на вызов наверх к начальству, то на спуск в подвал, в архив, разыскивать какую-либо карту по отношению из милиции. Так что теперь я спокойна, тылы прикрыты. На важных участках тоже сидят толковые и терпеливые к капризам больных, доброжелательные женщины.

С архивом мне пришлось основательно повозиться, в столь безобразном состоянии он был. Карты умерших должны храниться 50 лет, а их складировали практически навалом. Кучки конечно сложены по годам, но это именно кучки, а железные шкафы, предназначенные для хранения крайне неместительны и неудобны, к тому же однажды по весне подвал затопило и половина старых карт превратилась в разбухшую, склеившуюся нечитабельную и отвратительно воняющую гниющим клеем и плесенью массу. И выбросить без активирования нельзя, а за это время, за годы никто не соизволил вызвать архивариуса из райздравицы. Только с его подписи и разрешения можно избавиться от этой массы.

И я настояла, чтобы его прислали, сводив главную медсестру на экскурсию в архив, а она уже настояла у главврача. К весне как раз всё сделали и мы с девочками набивали мешки и сносили их к контейнеру для мусора, чтобы вывезти. Заодно списали и старое оборудование, и ломаную мебель, и в подвале развиднелось, а так сваливали туда и забывали, с глаз долой, из сердца вон.

Потом я добилась, чтобы выкинули эти шкафы, а взамен их соорудили стеллажи, сантиметров на 50 от пола, на случай затопления. И мне всё сделали довольно быстро, после чего мы в выходные дни, (а предварительно я два дня отмывала пол, который казался слоем земли, а при мытье открылся довольно красивый кафель) мы все вместе подписывали стеллажи и раскладывали карты по годам по алфавиту. Искать нужное стало намного легче и сносить на хранение свободней и удобней. Ко всем стеллажам открылся свободный доступ и в середине стали широкие проходы. Заодно я вымыла окна, и днём теперь не было необходимости включать свет. Такие вот ещё преобразования я ввела. Но, как говорится, враг не дремлет. Юрист часто приходила к Серафиме, приносила что-то на продажу и они часто шептались обо мне. Вот не давала я им покоя. И они нашли путь, как напасть. Я этого не знала, а они были в курсе, что

на должности заведующей регистратуры должен работать медработник, ранее была медсестра Нина Яковлевна, ушедшая на группу, а потом Серафима, акушер. А я без медобразования, вот они и накатали кляузу в Райздрав, и внезапно нагрязнула проверка.

Фактически это была подножка даже не мне, а главврачу, но они-то подразумевали сделать гадость мне и чтобы Серафима вновь вернулась в регистратуру. Я пошла к главврачу, доложить о приходе комиссии, а он мне сказал, не волнуйся, предъявляй всё, что попросят по первому требованию, а остальное моя забота. Моё дело только поставить в известность и выполнять, что я и сделала. Комиссия просидела долго, проверяли тщательно, заодно наблюдали за нашей работой и после окончания поднялись к главврачу.

После их ухода, он спустился, и сказал: «Молодцы, всем спасибо за хорошую работу». Работайте спокойно, добро получено и всё остаётся в силе. Станислав Максимович проследовал в смотровой кабинет, где у него состоялся жёсткий разговор с Серафимой. Он в ультимативной форме объявил ей, что не потерпит доносов за спиной, а ему ведь бумагу показали и он вычислил автора, и если такое ещё раз повторится, то ей придётся расстаться с работой в этой поликлинике. Как потом оказалось, это была не первая её подлость, не только в отношении меня, но и против зам главврача по ВТЭК и против гинекологов, она действовала не раз, так что это была капля в ряду потока и он наверное просто устал отбивать атаки.

А нам было приятно за похвалу, значит, не зря старались, ведь теперь и жалоб от больных на работу регистратуры стало намного меньше, совсем без них не бывает в живой работе.

Ну вот, на работе всё образовалось, а дома опять разлад. Сашу могут вот-вот уволить с работы, он там стал слишком часто появляться нетрезвым и начальство выговаривает Жене, как рекомендовавшему его, а Женя мне, как попросившей помочь ему найти работу. Я пытаюсь вразумить Сашу, но его несёт по кочкам и разговоры только злобят. В итоге в апреле месяце, по пьяни, он заперет мойку, включит не то и моторы очистителей полетят, а ремонт станет в копеечку. Естественно его и выметут вон. Ни копейки зарплаты он в дом не отдаст, буде месяц почёрному пить и клясть меня, как виновницу случившегося с ним, мол, накаркала или ходила, просила его уволить! Жаль не обвинил, что это я мойку испортила.

Так что снова начались скандалы на ровном месте и нездоровая атмосфера в доме. И нытьё, что он не может найти работу. Не помню, рассказывала я или нет, что долгие годы мы ежедневно встречались с одноклассниками у Гели в мае на 9 число или близко к нему. 9-го у Гели день рождения, так что по случаю встречались, заодно, как говорится. На встречу все с мужьями и жёнами приезжали, только я в основном одна и Геля тоже. Она по причине развода с мужем, я сначала от того, что он с детьми оставался, отпуская меня, а потом по причине стыда за его поведение, выпив, он терял человеческий облик. Но после смерти Иришки, не помню под какими предложениями, как я Гельке объясняла отказы, о смерти дочери не говорила, я перестала ездить на эти встречи, а в этом году, потому, что вроде оттаяла и могу общаться с людьми согласилась приехать. Знала бы, не делала этого.

Сначала всё шло хорошо, Гельку поздравили, отметили, о том, о сём говорить стали, и тут я обратила внимание, что взгляды на произошедшее в стране со многими у меня очень расходятся. Многие ностальгируют по союзу и его порядком и проклинают и Ельцина, и реформы, и всё. До такой степени раскипятились, что хоть святых выноси. Я стала говорить, что разговор беспредметный и может не стоит его поднимать, а просто стараться жить и приспособливаться. Нам тяжело, но детям-то жить может легче станет и это их будущее, а не наше, чего же их обратно во вчера тянуть.

Особенно Веник вскипел:

- Ах, детям? Ну, вот скажи, дочери твоей хорошо теперь живётся, легко?

- Дочери моей в живых нет. Она в 88 году погибла, и её, между прочим, та самая власть и система, о которых ты ностальгируешь, погубила - тихо ответила я.

Все замерли, и никто ничего не успел сказать, как он в запале продолжил:

- Ну, а раз её нет, то пора её забыть и не говорить о чем не понимаешь, твоя дочь день вчерашний, а нам жить да жить.

Лучше бы он ударил меня, чем сказал такую гадость. Я встала и пошла к выходу, обернувшись сказала:

- Спасибо за ласку и тёплый приём, но с этого дня нам не по пути. И вышла, ребята зашумели на Веньку, кто-то бросился меня остановить, навстречу из кухни шла Геля с горячим, она увидела моё лицо, сунула блюдо с горячим Вениковой жене, Тамаре, а меня увлекла на балкон.

Там я ей рассказала о гибели Иришки и о выходке Веника. Впервые я плакала, впервые с её гибели. Я сказала Геле, ты извини, мы с тобой будем встречаться и дружить, но я больше никогда не приду на эти встречи. Геля хотела меня проводить, но я отказалась, сказав, что отлично знаю дорогу, тем более что теперь Менделеевская рядом.

Вот так события в стране отразились на нас, бывших друзьях школьников, теперь они и нас разъединили. И у Гели теперь собирались не все, Веника и ещё двоих активных последователей Советского строя, более не приглашали.

Больнее всего мне было, что этот случай напомнил мне случай с дочкой Татьяны, когда Евдокимова выдала, погоревала и хватит, пора забыть. Вот и мне сегодня в грубой форме предложили забыть. Всё-таки много на земле людей бессердечных. Та была женщина грубого нрава недообразованная, а тут был образованный человек, отец двоих детей, а вот подишь ты, поступки аналогичные. Так что лишний раз убеждаешься, многие образоваться успели, а людьми стать не сумели. Так-то вот.

А тут ещё и война чеченская, развязанная из-за ложно понимаемых амбиций и военного зуда кое у кого. Заладили, нельзя терять территорию, прецедент, другие захотят. Никто бы не захотел, веди жизнь к лучшему, а не к худшему, отпусти Чечню с миром, тем более они изначально отдельные были, со своим укладом и памятью горькой, но нет, партия войны победила, и ведь многие прогрессивные повелись на те же слова, территории терять нельзя. В три дня завоюем и прочее. Завоевали, одна беда, да гробы в дома, да разрушенная страна.

И ползучая война всё продолжается, и Молох требует всё новых жертв в топку. А здесь в Москве беженцев из других союзных республик, отделившихся от России, особенно среднеазиатских полно, у них когда резня была, люди побежали, да и до сих пор их там преследуют и они бегут. И это не по слухам. Это наглядно. Врач к нам в поликлинику пришла молоденькая работать, Светлана, как раз такая беженка из Душанбе, они с мамой еле выбрались оттуда. У неё на глазах всю семью истребили, они два года уже в Москве мыкались, вот теперь она чуть-чуть от ужасов вроде оклемалась, квартиру им дали и прописку и она работать пришла. Промах допустили, поставили её работать на тяжеловатый участок, мол, молодая, справится. А у нас ведь участки сплошная геронтология, состарились все, кто когда-то в самом соку въезжал, а старость не радость и болячки и капризы. Вот одна такая, особа садирующая старуха Саблина на этом участке и жила. Сколько врачей из-за неё от участка отказались, не перечесть. А Светлана и мужа и ребёнка и брата с сестрой на глазах потерявшая в лапы этой мегере и попала.

Она же врача вызовет и ну нападать: и лекарства вы ей не те выписываете, и смерти вы её хотите, и я на вас в Горздрав нажалуюсь, и прочее. Насмотрится популярных передач и начинает

изгаляться. Ведь не столько больна, сколько подла безмерно. Три дня подряд она врача вызывала и ведь не принять вызов не имеем права, она тогда скорую вызывает, а те штраф поликлинике выставляют. Хроники, мол, не острые, ваша обязанность.

Три дня Света исправно ходила к ней и терпела её издёвки, а на четвёртый утром не пришла. Вместо прихода, позвонила её мама, дозвонилась мне, наверху никого не застала, сообщила, что Света покончила с собой, вскрыла вены.

Господи, что со мной творилось. Вы бы видели саму Свету, чистый белокурый ангел с голубыми глазами, правда, сильно раненый, потерявшийся ангел. И такое. Я кричала, как подбитая птица, я просто выла и билась в истерике. Потом схватила трубку, дозвонилась Саблиной и высказала ей всё, что о ней думаю, пожелав ей сдохнуть. Я не управляла собой, это был жуткий срыв. Меня подхватили врачи, отобрали у меня трубку, вкололи мне в вену, какое-то лекарство. Потом я затихла и только тихонько скулила. Все поняли, что у меня своё горе переплелось с новым ударом.

На похороны я не ездила, простилась у поликлиники, куда её привезли. Хоронили её за счёт собранных нами всеми денег, матери взять было негде. И такие черты того времени были.

А Саблина никуда не пожаловалась и врача стала вызывать редко, только по делу и ни к кому больше не придиралась. Участок долго никто не брал, делили его по дому на всех, а целиком не брали.

А с деньгами дома всё хуже и летом Володя, пошёл работать в пекарню, взяли. Работал по ночам, занимался выпечкой хлеба, потом и отца туда же пристроил, правда, отец недолго месяца четыре продержался всего, но и то хлеб. Володя его зарплату сам забирал, а когда ушел в конце лета, тот за сентябрь самостоятельно получил и ушёл в запой. Работа по боку пошла снова.





Глава 65.

Придётся снова возвращаться назад, постоянно что-нибудь забываю. В начале года я январе от матери пришло письмо, где она писала, о том, что сильно больна воспалением лёгких и день рождения справлять не будет. Кстати там же она и о Павлике сообщала. А ей 1 февраля должно было исполниться 70, и мы хотели поехать на юбилей. А уж коли нет, так нет, человек же болеет. Числа 29 января позвонил дядя Юра и спросил меня едем ли мы, на что я ответила, что нет, так как мама болеет. Он очень удивился, да, а зачем же тогда мне приглашение прислали. Я ответила, что не знаю, но в письме мне ясно написано и я зачитала ему письмо. Тогда он сказал, что тоже не поедет. Незачем напрягать больного человека. А в конце февраля мне пришло разгромное письмо от матери, где мне писали, что я гнусная интриганка, нарочно подстроила всё так, чтобы испортить день рождения матери. Я, ничего не понимая, достала её письмо, написала ей ответ и в доказательство приложила её собственное письмо с подчеркнутыми в нём красной ручкой строками, собственноручными ею написанными и спросила, какой смысл писать мне это, а потом объявлять меня интриганкой и врагом? Я сделала громадную глупость, отдав им в руки - прямое доказательство своей невинности и меня снова выставили преступницей в глазах дядьки. А уж когда она приехала летом, то про тот случай словом не обмолвилась, будто и не было, только на ошибку с Павликом взбеленилась. Потом до меня дошло, что просто хотели справить день рождения без нашего присутствия, а того что дядя Юра захочет со мной созвониться не предвидели. К чему я вспомнила этот случай, да вот к чему. В начале учебного года мать позвонила мне с просьбой помочь сделать ей ремонт, и я спросила, а Надя? А мать ответила, что Надя с Серёжей отказались, так как если она оставляет дом Сашке, то пусть Сашка, вернувшись из тюрьмы и ремонтирует. Вот в этом вся моя сестра, если не ей, то пропадите все пропадом. Я пообещала приехать, но в конце октября не раньше. Так и договорились. Вот так всегда, как кого ругать, то Верку, как на помощь звать то её же. Между тем у нас опять новшества. Женин начальник, вернее один из начальников решил уйти из связи и организовать, совместно с несколькими друзьями бывшими военными торговое предприятие по поставке гастрономии сыров колбас из Франции, а в дальнейшем фруктов из ЮАР для магазинов Москвы. Назвали это предприятие Малино-фуд. Женю он звал и переманил с собой, опять же,

как личного водителя. А поступала вся продукция через Питерский порт, так что там крепкие силовики и, видимо, определённые мафиозные структуры замешаны были. Очень быстро они тогда развернулись. В дальнейшем Женя неоднократно от этого работодателя будет получать предложение стать одновременно личным телохранителем, но от этого предложения он откажется и в итоге лет через семь от начала работы он оттуда уйдёт.

Вот во время его работы там, нам стало понемногу перепадать питания от Жени, так как моих денег, а я зарабатывала в регистратуре 380 рублей, катастрофически не хватало даже на банальное питание, и у меня впервые в жизни образовались долги по квартплате, чего никогда прежде не было. Я оплачивала только свет, а всё остальное копилось снежным комом и росло в геометрической прогрессии, так как цены на квартплату возрастали, чуть не каждый квартал.

Жить с таким ярмом на шее я не привыкла, это не давало мне не то, что спать, жить спокойно и на этой почве возникали постоянные скандалы с мужем. А он, как с гуся вода. К тому времени стали образовываться первые сельхозярмарки Лужкова.

У нас ранее собирались строить большой дом пионеров и музыкальную школу большую, но построили только музыкальную школу, а на месте под второе здание построили большую ярмарку с павильонами и торговыми рядами. Со временем в павильонах наладилась торговля и мелкими промышленными товарами между ними встали палаточные ряды с одеждой и обувью, посудой, мастерские по ремонту. В общем, целый микромир.

Вот туда отец и устроился работать электриком, проводил свет ко всем точкам, устанавливал розетки и выключатели, оборудовал преобразующие трансформаторы. Но это снова продлилось недолго, месяца три и новый запой, новый загул. Частично мне удалось погасить задолженность, но ненадолго, так как часть денег он зажимал на пропой и прятал, а сам забывал куда. Однажды он ударил Володю, обвинив его в краже 200 рублей. Это случилось в моё отсутствие, иначе я не позволила бы тронуть сына. Деньги потом нашлись и где, в духовом шкафу плиты, куда он сам же их и спрятал. А он терял снова и снова, теперь обвиняя меня, что я вынимаю их у него из карманов, хотя этого не было.

Трудно жилось, но я успела и съездить к матери, и сделать ей ремонт, оклеить стены и потолок. За два дня управилась, в выходные. Правда тогда впервые ощутила сильные боли в спине, но ещё не обследовалось. Просто, думала, устала, поболит и пройдёт. А под Новый год и светлый лучик в тёмном царстве, Викусенька приехала показать свою дочку. Девочку она родила. Ей три месяца, а она размером с моего новорожденного Володю. Я просто ужаснулась, а Вика говорит, да она родилась всего двухкилограммовая и сейчас вот вес плоховато набирает. Потом Оксанка выправится, пойдёт навестывать. А ещё от Иры пришло письмо с фотографией её с дочкой. Девочке годик с небольшим, а против Оксанки ну просто великан. В общем, порадовали меня девочки, всё у них хорошо и ладно.

Ну, вот и 1995 подступил. Опять начался с подъема цен, это уже традицией стало и опять муженёк сидит без работы, однако на пропой души то там, то тут подхалтурит. Кому то люстру повесит, кому-то погрузить вещи, кому-то провести розетку или исправить лампу. Постоянно тусуется с пьянью у подъездов и приобрёл новую привычку, лазать по помойкам и тащить всё в дом. У нас уже все антресоли, все углы, весь балкон забит. Тут и утюги, и пылесосы, и телевизоры, и магнитофоны. Всё естественно неисправное, всё он будет делать, на словах, а на деле - в квартире образует филиал помойки, и не смей его добро тронуть, тут же скандал вселенский. Опять живу в двух мирах, на работе - уважаемый человек, дома - унижаемая тягловая лошадь.

А под самый Новый год, только мы ёлочки нарядили. Их у нас целых три собралось, друзья надарили, и мы в каждой комнате по ёлочке ставили, чтобы хоть как-то праздничное настроение

создать. Ванечка в маленькой комнате живёт, Володя в средней, мы с ним по разным кроватям в большой.

Кручусь вечером на кухне, Ванечка ко мне со слезами: «Мам, там папа на мою ёлочку пишет». Я бегом в его комнату, а папа до туалета не дошёл, пришёл в его комнату, решил, видимо, что в лес попал и стоит, отливает. Я свет зажгла он как очнулся. Я ему тряпку в морду и заставляю убирать за собой. Саму просто трясёт. Он тряпкой погваздал и в коридоре свалился, а мне всё мыть и убирать пришлось. Ребёнку какое расстройство. Да и мне радости мало, похоже, муженёк до белочки допился.

Вот когда в 95-м в начале из Наркодиспансера позвонили проконтролировать, как он себя ведёт, я и сказала, как. Его вызвали на приём, поворчал, но пошёл, а его лечиться положили. Месяц целый с середины февраля до середины марта мы с детьми от его пьянки отдыхали. А денег не хватает, я вся издёрганная хожу, концы с концами не сводятся, практически из ничего детям еду соображаю. Вот на работе медсестры и приметили, что я смурнее тучи выгляжу и разговорили - что да как. Я со слезами рассказала, не выдержала. Они пошушукались, подхватились, а через час у меня возле стола три сумки, битком набитые самыми необходимыми продуктами образовались: «бери, корми детей и не вздумай отказаться!»

Три с небольшим года отработала я в общей сложности в поликлинике, но до конца дней буду вспоминать этот коллектив, слаженный, дружный незаносчивый и очень сердечный. Они ко всем так относились. У кого беда, дружно вместе её решать. Это в первой терапии, во второй немножко посложнее, там отношения понапряжнее меж собой, всё от заведующего зависит.

Я Володе позвонила, чтоб пришёл меня встретил, нам этой еды на неделю хватило, а девочки постоянно что-нибудь мне оставляли на работе, чтобы детям несли. Потом и одежды для ребят гору нанесли. Мы все ровесницы, плюс минус два года. Дети у всех есть, большинство мальчишек, так что моих ребят с ног до головы одели.

А потом врачи подключились. Сначала одна меня к себе в гости зазвала и отдала мне целый чемодан одежды. Платья, юбки, кофты, плащ и много ещё чего, и всё качественное, германское и французское. Я сама к тому времени пообносила, не на что купить даже материал, а они глазастые. Вот и договорились. А у неё дочка во Франции живёт, муж вещи из Германии возил, когда там служил. Всё классическое, отменного качества, не изношенное. А ей столько уже не требуется, гардероб забит, да и фигура изменилась, а на мне, как влитое всё.

Неудобно мне, а не откажешься. Вторая врач принесла мне прямо на работу демисезонное пальто шикарное, а третья зимнее. Потом другие ещё много чего надарили. Стала я словно богатая невеста, в жизни столько шмоток не было. А у меня подруга в поликлинике, медсестра эндокринолога, не из богатых, одна дочку растила, муж рано умер. И дочка Ире моей ровесница, уже замужем и ребёнок есть. Тоже врач, но в больнице и тоже заработок небольшой, трудно живут. Вот я её к себе домой зазвала и частью вещей с ней поделилась. Ещё Ольга мне незадолго до этого лисью шубу подарила, я и её Надежде отдала, куда мне в такой шубе разгуливать. В общем-то, я всегда так, чуть что у самой образовалось, обязательно найду того, кому хуже и тоже одарю. Так мне живётся легче на душе.

А под восьмое марта звонок по телефону, Валентина звонит, со слезами:

- Вера, бегом к нам. Ребята разводиться собрались, спасай.

И рыдает.

- Сейчас – говорю - прибегу. Ребятам наказала вести себя хорошо и рванула к ним. Я прямо с порога Валентине приказала на кухне посидеть с детьми, а сама к ним:

- Что тут у вас?

А они, перебивая друг друга: «он мне изменяет», «она мне изменила», «всё больше не можем» и всё в таком духе. Выслушала я их и говорю:

- Ну, вот что дорогие, оба вы обгадились, оба виноваты, а теперь давайте решать, что делать будем.

Только сказала, а дети в комнату вбегают:

- Вот они - говорю, - решайте, как делить их будем, пополам рвать или иначе поступать? Вы когда поженились, вас насильно сводили или вы друг друга любили? Ты когда по бабам побежал, о своём удовольствии думал, а о детях не вспомнил. Жена тебе в отместку, неумно поступила, также изменила, но чтобы тебя проучить, а не уйти от тебя. Вот я сейчас выйду, а вы посидите и подумайте, как поступать будете, как решите, так и сделаем. Только сначала всё взвесьте и о детях не забудьте.

Сгребла Катюшку с Андрюшкой и к Валентине:

- Кончай - говорю - сырость разводить, давай чай пить, детей ужином кормить.

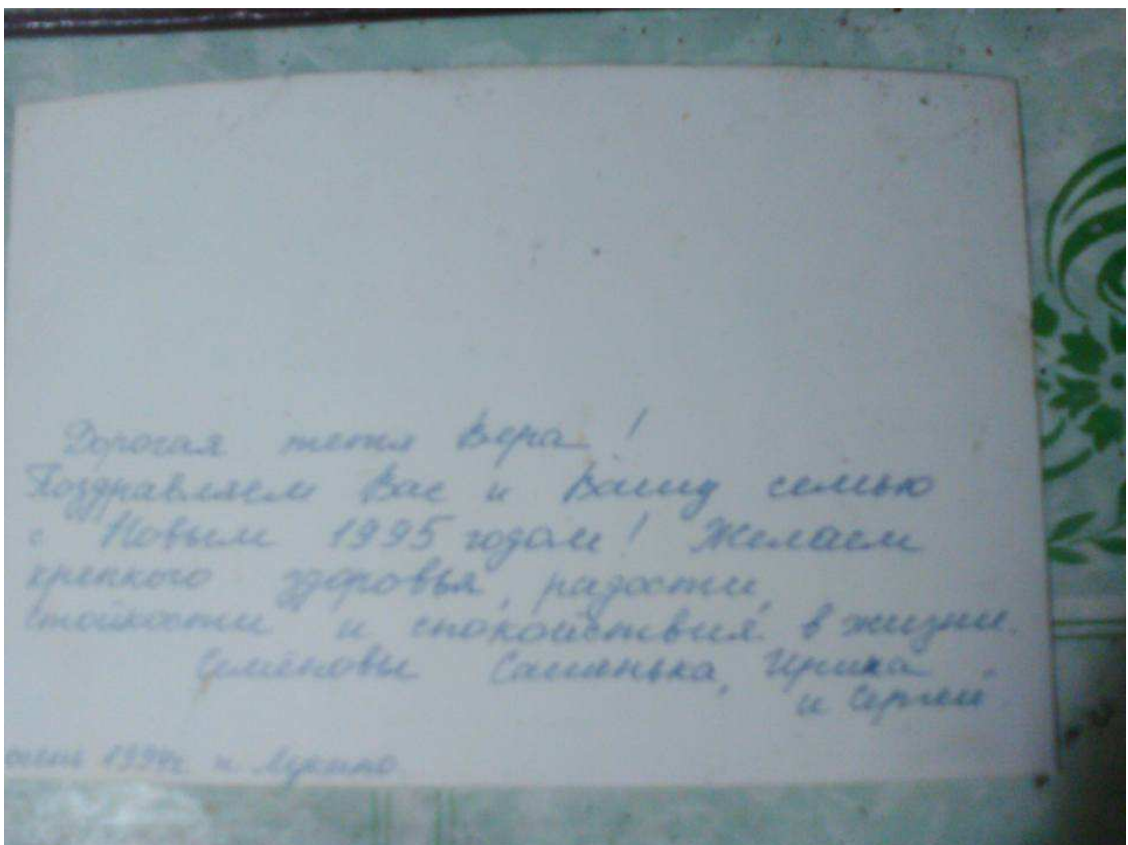
- А они как же?

- Думают - отвечаю.

Мы детей кормим, а у самих кошки на душе скребут, а из комнаты только голоса бубнящие доносятся, без криков, а после - рёв. Валентина бросилась туда, идёт обратно, слёзы вытирает, улыбается:

- Обнялись, мирятся.

Ну, вот и ладушки. Вопрос утрясли. Женька, тот ещё кобель, я Наталье потом скажу, что переделать его не переделаешь, таким уродился, но ты смотри, в семью он несёт или из семьи смотрит, по такому принципу и решай, прощать ему слабость эту или жить с ним не вмоготу. До сих пор живут.



Глава 66. Каким он был?

95-й год, каким он был? И страшным, и непонятным для простых людей, и сложным. Видимо от происходящего в те годы вокруг нарастали в людях усталость, недовольство и разочарование. Кому понравится, если вокруг неопределённость, беспросветность и обманутые ожидания?

А то, что бандитизм процветал, мы видели невооруженным глазом. Так прямо под нашими окнами, в доме напротив расположен опорный пункт милиции, где среди белого дня бандит убил участкового, молодого парнишку, пошедшего в милицию по призыванию души, на замену погибшего отца. И это сделал грабитель, которого мальчик опознал по ориентировке, задержал, но чуть расслабился и в момент, когда вызывал подкрепление, был убит им. Вот было горе матери, оставшейся с младшим 12 летним сынишкой. Или трижды мои дети, гуляя, находили чужие документы, один раз распотрошённый дипломат, один раз папку с деловыми документами. Мы относили всё это в милицию, но там, как мне кажется, даже не искали ограбленных или возможно убитых владельцев. Хотя и паспорта, а в иных случаях водительские права были там.

Или возросшее число пропавших без вести, не только алкоголиков, но и нормальных благополучных людей. Так у нашей медсестры пропала сестра. Ей позвонили домой, попросили выйти к подъезду и всё. Домой она не вернулась и её не только не нашли, но даже не хотели брать заявление на розыск.

Или наши детки стали свидетелями убийства, а когда их пригласили в отделение, для дачи показаний, то проходящий мимо ожидавших возле кабинета следователя постовой, походя накостылял по шее стоящим ребятам. Я была там, мне сообщили на работу, чтобы я пришла. Опрашивать несовершеннолетних, в отсутствие родителей запрещено. И естественно я подняла шум, какой же помощи вы ждёте от населения, если безо всякой причины избиваете свидетелей? От делать нечего.

Вот так постепенно деградировала милиция, которую разваливали сознательно, как и другие сферы жизни.

Возвращались повоевавшие первыми в Чечне мальчишки, на смену им брали других, а у этих было не всё в порядке с психикой, и никто не озаботился им помочь. Парень со второго этажа моего подъезда, после Чечни стал проявлять беспокойство, при первых неожиданных хлопках или резких ударах, он падал в кусты и прятался поглубже. Это получалось автоматом, а дети не понимавшие, что с ним смеялись. В общем-то, парень для общества погиб. Затравленный безысходностью, не умея выйти из состояния тревожности и испытанного ужаса, он в итоге просто спился и повесился. Вот на таком фоне протекала и жизнь семейная, дети слышали, видели, выпитывали в себя все реалии, как губка.

После больницы Саша вышел более спокойным и горящим желанием снова найти работу и исправить положение, тем более, что нас вызвали на суд, по долгам за квартплату. Я дала всё ему и сказала, иди ты, по твоей вине мы в яме, ты и выслушивай и объясняйся. Пошёл, получил решение погасить задолженность в двухнедельный срок, а где брать? Пришлось обращаться к сыну, он обещал вернуть, как только заработает. Занять заняли, заплатили, а вот возратить не получалось сразу. Станешь отдавать, снова долги по квартплате копиться начнут. Застопорилось дело с отдачей, стыдно, а ничего не попишешь.

Но пошёл на базу МГТС, повинулся, снова попросился, там главбух непонятно за что его любила, как сына своего и уговорила мастера взять его снова с испытательным сроком. Взяли, но со строгим контролем и запретом близко подходить к мойке и попадаться на глаза главному инженеру.

Стал снова работать и поначалу держался вроде даже и не пил и платим квартплату вовремя и на питание хватает. Ну и дома покой, делить мне с ним нечего и когда он не пьёт мы вообще не ругаемся, только пьянка причина ссор. Правда, подспудно не расслабляешься, в любой момент боишься нового срыва, от этого поневоле подозрительные взгляды на него, по приходу, какой?

Да и с детьми сильно не расслабишься, глаз да глаз. У одной подруги парнишка ровесник Вовы воровством и токсикоманией страдает. Соберутся под забором детсада, шалашей там себе настроили и дышат пакетами с клеем Момент, а матери, неужели не волнуются, где их дети? Кто-то работает, с этих какой спрос, а иные дома, рядом сидят, а выглянуть иной раз в окно, вот же, как на ладони соколы их отупевшие сидят. По-всякому детям объясняю, чем это чревато, вроде бы понимают. За Ваню особо не боюсь, он парень целенаправленный, а вот Володя чужому влиянию сильно подвержен, о нём и беспокоюсь, но курить курит, а к дури не притрагивается и то счастье. И в подъезде у нас два Жениных ровесника на героине сидят, вот где горе-то, а ещё одного постарше за распространение посадили на 6 лет. Такая вот жизнь.

Позвонила Вера, попросила прийти к ней, помощь нужна. Ну, мы с Сашей собрались и пошли. Девочки её радостные встретили, мы там ни разу не были в новой квартире, они нас потащили показывать и рассказывать. А Вера на кухне сидит и Сергей тут же. Осмотрели всё, к ним присоединились, а Вера рассказывает, что они развелись и теперь размениваются. Вот те фокус, детки радуются и не знают, что их ждёт. Сидим, обсуждаем. Вера с Сергеем постоянно на повышенные тона переходят, видно, как неприязнь от них исходит друг к другу, но помимо этого атмосфера в квартире какая-то тягостная, словно не дышится вольно и давит что-то на плечи. Я ровно полчаса выдержала и домой засобиралась. Договорились, что когда станет известно время переезда, Саша ей поможет перевозить всё. Вышли оттуда я не успела о своих ощущениях Саше сказать, как он мне говорит, неладно что-то в этой квартире, будто гнетёт тебя что-то. Значит, не показалось мне, он тоже ощутил.

Позже я Вере свои ощущения передам, а она и скажет, что весь дом был заселён, а в эту квартиру все отказывались въезжать. Третий этаж, самое комфортное, четырёхкомнатная квартира, все комнаты изолированные, два балкона, кухня 12 метров, рай, а никто не ехал. И соседи говорили, что отказывались из-за тяжёлой ауры. Так ведь именно там начала у Веры семья сыпаться, до того всё ладно было. Переехали они потом в старую пятиэтажку на Одесской улице, в надежде на то, что её снесут, как обещали снести все пятиэтажки и они получат нормальное жильё. До сих пор там живут. Квартира похабная, кухня мизерная плюс комнаты распашонкой, из одной большой проходы в две маленькие. Первый этаж. А Сергей уехал в коммуналку на Ленинский проспект, а потом совсем исчез и оттуда. Как куда, никто не знает. Он Чернобылец-ликвидатор был, может радиация настигла, а может и другая беда приключилась. Время-то смурное, а он авантюрист по натуре.

А у мальчишек моих приключение в том же году нешуточное случилось. У них приставка была, сначала Денди, а потом Сега для игр были. Они на телевизоре играли в них. И однажды с соседскими мальчишками из-за картриджей, а они ими обменивались, ссора вышла, и утрясать эту ссору в то время, как я была на работе, явились 12 и 11-летний мальчишки с настоящим пистолетом, утащенным одиннадцатилеткой у старшего брата бандита. Они хотели отобрать у наших мальчишек приставку Сега. Счастье, что ребята были не одни, а с пистолетом те не умели обращаться, не хватило ума и силёнок, иначе натворили бы беды. Я пришла, как раз в тот момент, когда шла драка и не только не выпустила их, отобрав пистолет, но и вызвала милицию. А заодно позвонила Татьяне Анастасенковой, чтобы немедленно пришла. Одним из этих мальчишек был её сын 12 лет. В общем, ребят забрали в милицию, поставили на учёт, старшего брата бандита посадили, за незаконное владение оружием, младший его, считай, подставил, а я пережила несколько страшных часов беспокойства и ужаса от того, что могла лишиться детей из-за их игр.

Так влияла среда на подрастающее поколение. Эти мальчишки потом будут грабить машины, снимать магнитолы из машин, дворники, барсетки и прочее, чем можно поживиться в машинах. Кончится это сроками для обоих. У Тани мужа убьют по пьяни, повесят в собственной квартире на трубе в ванной и почти всё вынесут, а сын полностью отобьётся от рук. И это тоже горькое время всеобщей безнаказанности и произвола сказалось на наших детях, тех, кто оказался слаб.

Потом наступит лето, и я вздохну с облегчением, по содействию главбуха отцу выделяют путёвку в детский оздоровительный лагерь для Володи и он уедет от таких друзей подальше, а Ванечка в Серпухов ехать откажется, не объясняя причины. Он всегда так, если не хочет о чём-то говорить, не добьёшься. Впрочем, я подумала, что возможно это связано с новой «игрушкой». Дело в том, что отец его одноклассника, Паши, отдал Ивану компьютер Пентиум, а сыну купили новый. Ваня был безмерно рад подарку. Он притащил его домой собственноручно, а вы, наверное, помните, сколько весил тот старый громоздкий компьютер, но ради обладания такой вещью Иван был готов на всё. Поэтому я и подумала, что он из-за компьютера остался дома. Он подошёл к его освоению со всем пылом и жаром. Прочитал книгу по компьютеру, учился вводить программы и прочее. В итоге так заэкспериментировался, что запорол программу полностью, но после двухнедельного копания, справился, восстановил и улучшил. Так в нём родился компьютерщик, а после он заразит этой страстью всех нас. Таким вот образом проходила в то время жизнь нашей семьи, и казалось, что впереди будет лучшее, но потом станет снова сложно и мутно. Саша продержится на работе до декабря, а в декабре новый срыв и новая потеря работы, на сей раз окончательно, более его туда не возьмут. И снова жёсткий запой, нехватки, снова нарастающий ком долга и ссоры, слёзы, беспросвет...

Глава 67. А жизнь продолжается вопреки...

Вот уже близки и проводы тяжёлого 1995 года, памятного и захватом роддома с гибелью заложников и долгой эпопеей освобождения оставшихся рожениц и новорожденных и отходов изгиляющихся надо всеми боевиков. Жуткое воспоминание и посредине всего этого простые люди, вынужденные выживать, приспособливаться, растить детей и надеяться, как всегда надеяться на лучшее.

Помнится, мы учились в школе и на уроках обществоведения нам объясняли, как счастливо мы живём, как заботится о нас Государство, как стабильно у нас можно получить образование, пойти любой открывающейся дорогой, быть счастливым. Правда умалчивалось, что не всем открыто это счастье, что кому-то, а по сути, большинству приходится прозябать в бедности и невозможности учиться в высших учебных заведениях, что существует квота по национальности. Это табу, но зато любые трудности и недочёты Западного мира преподносились, как мировое зло. У них уничтожают излишки продовольствия, у них каждый Новый год начинается с повышения цен, у них дискриминация по полу и социальному положению, у них... Много этих у них преподносилось нам, умалчивалось о том, что это было в тридцатые годы и с тех пор общество крупно продвинулось вперёд. Умалчивалось о том, что они делали всё для блага человека и его быта, а мы прозябали в недостатке элементарных удобств. Это вечное противостояние, длящееся до сих пор, и не даёт российскому человеку раскрыть глаза на собственную мерзость бытия.

А то, что тогда был в стране нарождающийся дикий капитализм с бандитскими разборками и извечным дележом, укрепляло бывшего советского человека в том, что, наверное, правда мы жили хорошо, а теперь у нас и возможность жить и надежду и какую-то уверенность в завтрашнем дне отобрали. Старшие поколения, полностью выбитые из колеи, внушали внукам, что им жилось лучше. Это было благодатной почвой для всего, что вернулось потом.

И словно в подтверждение их правоты правительство делало неверные шаги, постепенно отступая от реформ, сворачивая с пути новшеств и потакая сиюминутным интересам. Не было воли менять что-либо, было желание катить по накатанной, и единственным выходом из трудностей виделось ежегодное увеличение тарифов на всё: введение новых налогов, разброд и шатание, бесконечное пересаживание фигур в правительстве и страшная чехарда, когда с помощью прессы и заказных материалов устраняли одних и приводили к власти всё более жёстких и имеющих опыт прежнего управления людей. Мы уже тогда откатывались назад, отступали от заявленных деклараций и усыпляли население обещаниями и уверениями, что это

для его блага. Реванш старого был неизбежен, почва унавожена, а сам народ растерян и уже частично озлобленно клял демократию, свободы и все нововведения вкуче. Так всегда, одна живём, вперёд не смотрим.

Естественно это сказывалось и на каждой семье. И многие из наиболее продвинутых, начавших на уровне подсознания ощущать, что грядёт плохое, стали задумываться об отъезде, не видя для себя перспективы в этой стране, как стали говорить люди. То есть само руководство заставило людей отвернуться от своей страны, искать надёжности в других местах. И это было естественным ответом, на все происходящие безобразия.

Лично мне и моему ближайшему окружению подобная перспектива не светила в силу материальных, а в дальнейшем и физических недостатков, а значит, нужно было учиться выживать в предложенных условиях. И мы учились и выживали, как могли. В этом году на первое января к нам пришёл старший сын с семьёй. Предыдущие два года они проводили праздники у Надежды, тесно сблизившись с их семьёй. Надежда рьяно перетягивала их на свою сторону, всевозможными методами, в том числе осторожным вливанием яда в мой адрес, указывая, что я не любящая их, эгоистичная мать, заботящаяся только о себе, а их отринувшая. И нужно сказать, что яд потихонечку начинал работать. То, что случается с людьми в подростковом возрасте, критическое отношение к родителям и их переоценка, включились у старшего сына во взрослом. Сестрица нашла слабое местечко, ревность Жени в отношении Володи и била на него, расковыривая рану. А тут случилась между ними размолвка, не знаю на какой почве, и они решили больше не ездить, а наоборот прийти к маме. Может быть, сыграло роль и то, что нужна была наша помощь в сидении с детьми, Ваня много времени проводил там, и вдруг мы откажем, нужно поддерживать отношения.

Вот так иногда родные люди руководствуются не любовью, а меркантильными соображениями. К несчастью этим страдал мой старший сын. Внуки естественно тоже больше тянулись к другой бабушке, так как жили и общались постоянно с ней, а у меня бывали краткими моментами и видели постоянно хлопочущую по хозяйству или измотанную работой женщину, почти чужую им. Впрочем, как ведут себя родители, такие предпочтения и у детей, тут уж ничего не изменишь. Наташа тоже здорово изменилась от общения с Надеждой, стала разговаривать со мной несколько натянутым и назидательным тоном. В нём сквозило высокомерие более образованного, а значит более знающего человека, по её мнению. Это было трудно воспринимать, но нужно было делать вид, что всё в порядке, чтобы не устраивать скандалов и не вставать в позу. То есть в них появились Надеждины чёрточки настолько явно, что мы все в их присутствии чувствовали себя натянуто и неловко, словно свиньи в барском обществе. Унизительное ощущение, в итоге стирающее радость от общения с близкими людьми. Я решила перетерпеть и дать времени расставить всё на свои места, может быть нужно было бороться, раскрыть им глаза на ситуацию, но я полагала, что это приведёт только к отторжению и дала ситуации складываться по обстоятельствам, надеясь на здравый смысл взрослых людей и не понимая всей силы воздействия материальных стимулов. Так и вышло, что старший сын постепенно отдалялся от матери. Он вдруг стал внушать себе, не без помощи сестрицы, что мать выставила его из дома нарочно, а не попросила помогать тёще. А ведь выписался он самостоятельно, а не по моему указанию. Но свои поступки забываются, замещаясь более удобной формой. Они с восторгом рассказывали, как летом ездили с Надеждой на море и как отлично отдыхали и как прекрасно проводили у них другие выходные. Видно было, что он хочет уколоть меня, за то, что со мной был лишён таких радостей. Но я только выражала радость за них и не принимала вызовов к ответу на недосказанные упрёки, чем разоружила их.

Мои же младшие стали относиться к Жене несколько настороженно. Пусть они не понимали, но чувствовали, что что-то происходит нехорошее и после их ухода, Ванечка неожиданно сказал, что он отказался ездить в Серпухов потому, что Надя и бабушка начали плохо говорить ему про

меня и он решил, что мама ему дороже. Младший оказался неподкупным, а средний всегда родней отторгался, поэтому и не испытал на себе их влияния.

Мне было очень больно и обидно, а главное непонятно зачем мои родные пытаются моих же детей настроить против меня, неужели настолько ненавистна я им? Потом всё объяснится и в очень скором времени. Это снова были меркантильные соображения... Мать приехала к нам последний раз в феврале 96-го. Была она какой-то странной, рассеянной, говорила невпопад, постоянно перескакивая с предмета на предмет, постоянно забывая зачем она приехала и я подумала, что мама, наверное, сильно переболела. Спросила её, она ответила, что перенесла микроинсульт мозга. Я сказала, чтобы она берегла себя, не мчалась сразу домой, а побыла немного у меня, отдохнула, но она возразила, что там цветы и кошка без неё не могут и вскоре уехала. Как оказалось навсегда. Больше я её не увижу живой.

Кстати мама сказала, что переписала дом на меня, как хотел дедушка. То есть ты Сашку не бросишь, поэтому я дарственную переписала на тебя, сказала мама. Значит, знала цену своей средней дочери, хотя и любила её больше, но сын тоже не был безразличен. Неудачный пирожок всегда жалеют больше. И ещё она напомнила, что в этом году Саша освобождается, и поэтому я должна буду его встретить, так как ей тяжело ехать в Ульяновск, где он отбывал срок, а я ответила, что, конечно же, без вопросов, съезжу в ноябре и заберу его.

А в отношении меня мать была уверена, что я совершенно бескорыстный человек и скорее сниму с себя последнее, отдав нуждающемуся, чем приберу себе чужое добро. Что-что, а своих детей мать знала великолепно, как, впрочем, и каждая мать.

На работе тем временем тоже случились перемены. Умерла наша лифтёр Лида. Вот на замену ей Ирина Васильевна и предложила обучиться мне. Обязанностей у лифтёра не много, следить за чистотой в лифте, отключить в случае поломки, если не удаётся перезапустить его и вызвать бригаду ремонтников. А лишней зарплата лифтёра в 250 рублей в придачу к моим 380 не будет. Я, конечно, согласилась и для этого меня направили на ускоренные курсы лифтёров, которые находились в районе стадиона Динамо. Два раза в неделю, в течение двух месяцев я ездила на занятия, по средам и субботам и сдала экзамены, получила корочки и стала исполнять ещё эти обязанности. Во время обучения у меня чуть не случилось несчастья. С одной из женщин, с которой там подружилась, мы зашли на вещевой рынок при стадионе, и там я увидела вживую, как работают мгновенные лотереи по обману людей, как их разводят на деньги, якобы имеющимся одинаковым номером, заставляя приплачивать и разыгрывать приз, которым завлекли. Об этом много раз твердили по телевизору, подробно описывая механизм обмана, но люди в азарте и легковерии всё равно велись. Вот, явно сдуру, я и вмешалась, объясняя обыгрываемой жертве, что с ней делают. И так бы и осталась я там лежать кучкой тряпья, так как сразу нарисовались несколько угрожающего вида братков и взяли нас в клещи, но на счастье нагрянула облава, проводимая милицией города, а не прикормленной рыночной. Это обстоятельство спасло глупую бабу от удара заточкой. Больше я никогда не вмешивалась ни в дела напёрсточников, ни в дела лотерейщиков. Решила, что моя жизнь ещё нужна детям. И вообще решила, что пора взрослеть и перестать тараном переть на амбразуру, нужно действовать по-другому.

Но горячую натуру враз не перестроишь, и я не раз ещё её проявляла. Так у нас главврач и зав второй терапией, великолепные специалисты, один хирург от бога, второй настоящий земский врач, в Чеховском варианте, имели слабость. Частенько прикладывались к спиртному, что явно не способствовало уважению к ним коллектива и между собой их величали Стасик и Козёл, а мне это было очень обидно, и однажды я сотворила непредсказуемый поступок.

Поднявшись вверх, за какой-то надобностью к главврачу, я застала их обоих в кабинете статистики, где они расположились пообедать и вкусить змия. И меня понесло, я совершила самоуправство. Заперев входную дверь, я разгорячённая и дошедшая до слёз, отчитала их как

маленьких шkodливых мальчишек, говоря и том, что мне стыдно за унижительные отзывы о них в коллективе, хотелось бы, чтобы они хотя бы в рабочее время воздерживались от своей слабости. В общем, наговорила много обидного, но справедливого. Видимо постоянная боль от жизни с таким мужем прорвалась во мне таким образом.

Они, как ни странно, не рассердились на меня, я думала, меня уволят теперь, а они наоборот стали меня успокаивать и уверять, что всё поняли и постараются не делать этого во время работы. Как ни странно, но слово они сдержали, более на рабочем месте их никто пьяными не видел. Хоть один плюс. Я никому об этой выходке не рассказывала, но у стен есть уши и вскоре вся поликлиника гудела о моём безрассудстве и смелости. Ко мне стали относиться с ещё большим уважением, а когда всех старейших работников, так совпало, что поликлинике исполнялось 25 лет, а Москве 850, награждали медалью юбилея Москвы, то мне неожиданно тоже вручили эту награду. Врачи сказали, что это Станислав Максимович настоял, за мой вклад в организацию работы поликлиники. Это было неожиданно и, конечно, приятно, но я нажила себе ещё более непримиримого врага в лице Серафимы Федоровны. Её наградой обошли, и она сильно кричала об этом, стоя в коридоре возле регистратуры и понося меня на все лады.

В мае отмечали юбилей Станислава Максимовича, ему исполнялось 70 лет, и он объявил всем о том, что уходит на заслуженный отдых, а в поликлинике будет новый главврач, но это случится только с Нового года, а сейчас он доработает оставшийся год. На этом дне рождения, я от имени всего коллектива и по их поручению, читала собственноручно написанные стихи и вручала подарок ото всех. Я очень волновалась, и мне казалось, что я запинаюсь, но все сказали, что я прочла замечательно и вообще держалась молодцом.

Так протекало начало 1996 года...

На снимке старший сын с женой и детьми Андреем и Катей.

